

МАРЛЕН ЛАРЮЭЛЬ

АРИЙСКИЙ МИФ И ИМПЕРСКАЯ МЕЧТА В РОССИИ XIX ВЕКА

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2022

УДК 321.01
ББК 3.3(2)
Л25

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Перевод с французского — А. М. Иванов.

Ларюэль М.

Л25 Арийский миф и имперская мечта в России XIX века. — М.: Тотенбург, 2022. — 374 с.

Арийский миф, хорошо известная тема истории идеологий в Германии и во Франции, остается предметом исследований, поскольку неизвестна история его развития в Восточной Европе, особенно специфическая в России. Цель данной работы — осветить неизвестный аспект русской духовной истории.

В этой книге прослеживается история русского арийского мифа и его тесных связей с имперским продвижением в Средней Азии и на Дальнем Востоке на протяжении XIX века. Некоторые круги интеллигенции, вдохновляемые славянофильством, стремились оправдать царскую колонизацию, утверждая, что она всего лишь законное возвращение самых чистых арийцев, славян, на их прародину. Аргументы, развитые для этой цели, наложили свой отпечаток на историю, археологию, лингвистику и этнологию, что показывает, насколько глубоко русский арийский миф внедрился в гуманитарные науки той эпохи и повлиял на их развитие.

Автор данной работы — преподаватель Национального института восточных языков и цивилизаций (Париж) Марлен Ларюэль, работает в области политической философии и занимается изучением русского вопроса и национальной самоидентификации. Этой книгой с ее очень богатой документацией автор вносит важный вклад в интеллектуальную и политическую историю России, давая сравнительный обзор разных национальных традиций, основанный на строгом анализе заимствованных культурных терминов и понятий, относящихся к «арийскому мифу», который интерпретируется множеством способов.

**УДК 321.01
ББК 3.3(2)**

© А. М. Иванов,
перевод с французского, 2022
© Издательство «Тотенбург», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ.....	9
Арийство — малоизученная историческая тема.....	10
Несколько мыслей о гуманитарных науках в Европе XIX века.....	14
Необходимость ввести Россию в интеллектуальную историю Запада	17
Арийство как новый подход к идее русской самобытности.....	19
Необходимость изменения концептуального отношения русских к Азии	21
Главные идеологические основы русской мысли о нации	25
Границы темы	26
ГЛАВА I. ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ ИГРА ЗЕРКАЛ ВОКРУГ АРИЙСКОГО МИФА	31
Франко-германо-русский обмен мнениями через призму арийского мифа	32
Индофильское арийство между востоковедением и романтизмом.....	32
Этап усиления расовых и национальных элементов.....	36
Западные обвинения русских в «туранизме».....	40
Социальная картотека идеологов арийства в России	44
Восприятие русскими западного арийства.....	55
Самобытность и угро-финский вопрос.....	56
Отвержение русскими туранской аргументации	63
Твёрдый отказ от какой-либо расовой аргументации	69
ГЛАВА II. ТЕОРИЯ АВТОХТОННОСТИ. СКИФИЯ — ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ КОЛЫБЕЛЬ СЛАВЯН.....	79
Споры о колыбели арийцев в XIX веке	80
Отношение к Европе: норманский и украинский вопросы	86

Варяжский вопрос в основе русских исторических споров?.....	87
Возрождение древнего балтийского славянского мира	92
Украина: Европейская Россия против Азиатской России.....	100
Теории древнейшей автохтонности	106
«Предыстория» скифского мифа.....	107
Латинская ориентация остается актуальной.....	116
Неизвестное славянство древнегреческого мира.....	123
Основополагающий миф: всемирная история по Хомякову.....	130
Два начала, но три расы?.....	134
Внутренние разделения яфетического мира.....	137
Основополагающая трилогия: славяне, германцы и скандинавы	140
Специфика самобытности по Хомякову.....	143
От степных народов к славянам, непрерывная преемственность	147
Рождение южной школы.....	148
Скифия, матрица самобытности.....	152
Гипотеза о Таврической России	157
Кочевое славянство: гунны и болгары.....	161
Хазария, уже христианская Южная Россия.....	165

ГЛАВА III. ИНДИЙСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЛЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА САМОБЫТНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ, КУЛЬТУРНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ

АРГУМЕНТОВ.....	170
Близость славянских языков и санскрита: лингвистика как орудие.....	171
Уже старая традиция: становление русских знаний о санскрите	172
Рождение санскритологии в России, исчезновение индофильства?.....	178
Славянофильская лингвистика на службе национального самоутверждения.....	184
Культурные параллели между Индией и Россией	192
Индия, славянский фольклор и полемика вокруг былин.....	193
Сравнение культур и посредничество Кавказа	198

Русский спиритуализм конца века и его арийская подоплёка.....	207
Религиозное возвращение арийства в Азию	208
Славяне, индийцы и арийцы в теософских теориях.....	215
Теософское и антропософское движение в России	221

ГЛАВА IV. РУССКОЕ ИМПЕРСКОЕ

ПРОДВИЖЕНИЕ В АЗИИ:

ДОЛГОЖДАННЫЙ ВОЗВРАТ

К АРИЙСКИМ ИСТОКАМ.....	227
Арийская «реконкиста» Сибири и Туркестана	230
«Иран» против «Турана», символика русской колонизации.....	233
Н. Ф. Фёдоров и мессианство русско-индийского союза	239
Всё дальше на Восток: Сибирь — колыбель славян?	244
Набросок имперской мифологии: «белый царь» на Дальнем Востоке.....	252
Империализм конкистадора: Н. М. Пржевальский	254
Россия на пути на «крышу мира»: А. Доржиев.....	259
Между авантюризмом и духовной историей — казус П. А. Бадмаева.....	263
Эспер Э. Ухтомский, теоретик азиатского арийства.....	270
Идеолог официального азиатства.....	271
Весь Восток на службе имперскому делу	276
Дружба с германцами и поиск арийских начал	282
Проявление русского нордического вдохновения.....	290
Наука на службе политики: Туркестанский кружок любителей археологии	292
Использование востоковедения царской властью	293
Арийская одержимость русской этнографией?	298
Продолжение поисков арийской колыбели в Центральной и Средней Азии.....	302
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	310
Арийство — самая классическая научная тема XIX века	311
Возможно ли арийство без расовой теории и антисемитизма?	313
Особое русское отношение к Империи	315
Воображаемая география русского арийства.....	317

Непрерывность русской арийской концепции	320
Концепция автохтонности, азиатство и нордизм.....	322
Предшественники евразийской идеологии?.....	325
Разработка концепции путём доказательства от противного	330
БИБЛИОГРАФИЯ	334
Первоисточники на русском языке	334
Первоисточники на других языках, не на русском.....	346
Вторичные источники	347

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это сочинение заслуживает внимания читателей прежде всего благодаря оригинальности и новизне его темы, а также благодаря тому, что его автор прекрасно владеет обширным материалом. Научный анализ этой темы предполагает компетентность в разных областях: языкознании и филологии, истории и философии. Марлен Ларюэль с удивительной легкостью идет по путям анализа дискурса, истории концепций, истории политических идеологий и современных политических мифов. Не забыта и история эзотерических учений. Специалисты по «арийскому мифу», до сих пор изучавшие прежде всего его англо-саксонских, германских и французских представителей, обнаружат, благодаря этой работе первопроходца, его аватары в России XIX века. Марлен Ларюэль тонко показывает, каким образом русские идеологи арийства могли без труда сочетать нордическую автохтонность и азиатское происхождение, в отличие от германских идеологов. Специалисты по расовым теориям («расиализму»), к числу которых принадлежу и я, многое узнают о политико-культурной интерпретации этих теорий идеологами арийства в России. Вела ли русская специфика к выработке «арийства без расизма»? Эта гипотеза, хорошо обоснованная, соблазнительна. Как и в Германии, но с меньшим размахом, оккультистские темы, особенно в теософском движении, образовывали синкретическое единство с отдельными учениями идеологов арийства. Так, в главе, посвящённой князю Эсперу Э. Ухтомскому, очень хорошо показано, каким образом арийская мистика могла проявляться в имперском проекте политического деятеля высшего ранга, очарованного буд-

дизмом и индийской культурой. Это еще раз указывает на специфику русского понимания Империи, которое нельзя понять, если не учитывать тот факт, что Россия «мыслила себя одновременно колонизированной Западом и колониальной державой». А что касается тех, кто особенно интересуется историей национализмов, то они найдут в этой работе многое, что обогатит, расширит и углубит понимание ими того, каким образом осознавалась в России национальная самобытность, а в этом процессе идеология арийства играла роль мифического, в высшей степени пластичного материала, никоим образом не связанная с биологическим расизмом. Урок, который отсюда можно извлечь, — может быть, Россия действительно «другая Европа». Наконец, эта работа убедительно доказывает, что всегда возможно плодотворное новое прочтение таких хорошо изученных авторов, как Хомяков, Данилевский, Соловьев, Леонтьев, Федоров или Погодин.

Этой книгой с ее очень богатой документацией Марлен Ларюэль вносит важный вклад в интеллектуальную и политическую историю России, давая сравнительный обзор разных национальных традиций, основанный на строгом анализе заимствованных культурных терминов и понятий, относящихся к «арийскому мифу», который интерпретируется множеством способов. Это основательное научное исследование — убедительный довод в пользу сравнительного метода. Кроме того, эта молодая исследовательница отличается удивительной способностью к анализу материалов и изложению выводов, к которой добавляется прекрасный оригинальный стиль, делающий чтение этой книги приятным и увлекательным.

*Пьер-Андре Тагиев,
Научный директор CNRS, Париж*

ВВЕДЕНИЕ

В Германии 1930-х годов идеология и практика национализма в значительной степени характеризовались включением славян в категорию «низших рас». Завоевание жизненного пространства (Lebensraum) на востоке Европы и в Советской России было продолжением во все более радикальной форме традиционно негативного отношения немецких националистов к полякам, чехам и русским. В XIX веке в западном понимании славяне очень часто считались народами, чуждыми престижному арийскому наследию. Предполагалось, что и они сами не связывают с ним свою самобытность. Оставался, однако, открытым вопрос об этой явно причинной связи: а что если славяне тоже заявляли о своей арийской самобытности? Не существовал ли арийский миф и в царской России, где он развивался, с разными вариациями, в одном комплексе с западными странами?

Хотя идея о связи этих двух тем, «арийский миф» и «Россия», может удивить, но мы постараемся доказать ее правильность. И в самом деле, только аргументация идеологов арийства давала России одновременно генеалогию нации, связанной со своей территорией, и оправдание ее имперской экспансии. Мы постараемся также доказать на русском примере, что взгляд на идеологию арийства, основанный на немецком опыте, это обман зрения и частичное искажение исторического анализа. Зная о реакции европейцев на идею арийского мифа сейчас, когда после Второй мировой войны прошло уже более полувека, можно тем не менее убедиться в том, что этот миф оставался жив в России с начала XIX века вплоть до Революции: первоначально арийский миф был романтическим поиском начал, про-

странством, на котором встречались идея национальной самобытности, средневековые и современные мифологии и гуманитарные науки, которые только начинали развиваться. Искомая арийская самобытность оказалась в поле научных исследований до того, как ее монополизировала политика: современность дала новое определение мифологии прошлого и придумала «традицию».

Арийство — малоизученная историческая тема

Арийский миф, если он опирается на расиалистские теории о превосходстве «долихокефалов», высоких, светловолосых и голубоглазых, сформулированные в конце XVIII века, имеет мало общего с этой проблематикой, потому что он представляет собой всего лишь утверждение одновременно научной и религиозной гипотезы: европейцы имеют общее происхождение, и их предки пришли из Азии в процессе эпической миграции с высоких гималайских плато. Первые варианты арийского мифа теряются в сплетениях и анализах истории человечества, начиная с сыновей Ноя, Яфета, Сима и Хама, от которых произошли разные современные народы. Считавшаяся очевидной на протяжении всего XIX века и части XX века, эта идея массовой миграции народов из Азии в Европу сегодня обоснованно отвергнута¹.

Все европейские нации имеют мифы о своем происхождении, в которых, как показал Леон Поляков,

¹ См. на эту тему, в частности, работу Ч. Ренфру «Индоевропейская загадка. Археология и язык» (Париж, Фламарион, 1990 год, с. 399). Согласно этому автору, индоевропейская семья создана не воинами, а в результате экспансии вида культуры: народы, которые изобрели земледелие, оказывали влияние на своих соседей, которые заимствовали их слова вместе с их техникой, так что индоевропейское языковое единство формировалось территориально, а не генеалогически.

сочетались языческие реминисценции, династические притязания и учение Церкви². Большинство европейских стран ведут спор о германском происхождении, претендуют на него или отвергают его. Если древние генеалогические мифологии уходили своими корнями в тексты Библии и в античность, то они пережили вторую молодость с увлечением романтиков Средневековьем. Примитивизм вошел в моду после появления поддельных песен Оссиана, написанных Мак-Ферсоном в 1762 году, стал новым орудием арийского мифа: галлы и кельты во Франции, англй и саксы в Великобритании, викинги в Скандинавии, готы и германцы в Германии стали историческими аллегориями современных наций³.

Отождествление себя с арийцами стало одним из главных постулатов науки и политики в тот момент: арийцы воплощали в себе идеальное человечество, которое, однако, никогда не поддавалось единодушному определению. Даже определение самого термина «арья» не было единым. «Арья» в текстах Вед и Авесты означало «благородный», так называлась группа или каста завоевателей, которая противопоставлялась «даса», туземцам или «низшим». Согласно одним авторам, этот термин означал скорее социальную функцию воинов или брахманов, согласно другим — земледельцев (в противоположность кочевникам), а согласно третьим — это был этноним, обозначающий конкретный народ, который мигрировал из Средней Азии

² Поляков, Л. Арийский миф. Первая часть. — Париж: Кальман-Леви, 1994.

³ Поддельные песни Оссиана, «найденные» и опубликованные в 1762 году поэтом и проповедником Мак-Ферсоном, пробудили интерес к национальным древностям в ущерб классической греко-римской античности. Европейское общество той эпохи с энтузиазмом встретило этот мнимый шотландский народный эпос, якобы собранный неким бардом в III веке: национальная современность была узаконена древним источником. См. на эту тему: Тиссе, А. М. Осознание национальной самобытности. Европа XIX–XX веков. — Париж, Сэй, 1999. — С. 302.

и/или из Персии на индийский субконтинент. Персидский царь Дарий сам называл себя «арья». Каким бы ни было определение, неопределённость, которая царила в двух основных текстах, Риг-Веде и Авесте, в решающей мере способствовала процессу мифологизации. Путаницы было много; например, арианская ересь⁴ древних готов служила поводом для отождествления германцев с ариями из-за созвучия слов.

Сотворение арийского мифа пережило три четко различаемых этапа. Первым была эпоха романтизма (1790–1830), на втором этапе на мифологию наложились расиалистские теории (1840–1920), на третьем его сделали своим орудием национал-социалисты (1920–1945). Так что было много сторонников этого отождествления, все больше проходившего под знаком франко-германского соперничества в последней трети XIX века, в эпоху, когда были даны все возможные определения нации. Являясь неотъемлемой частью «интеллектуального оснащения» той эпохи, арийский миф был также научным способом узаконивания и объяснения господства европейцев над остальным миром. Он придавал идее благородства европейских народов печать научной истины, а в ту эпоху, когда сциентизм развивался во всех науках, включая науки о человеке, это позволяло «оправдывать» невероятную колониальную экспансию европейцев. Нас интересуют только два первых этапа эволюции этого мифа, и мы постараемся проанализировать их, не поддаваясь влиянию позднейших взглядов: в XIX веке будущее перед арийским мифом было от-

⁴ Арианство было христианской ересью, родоначальником которой был александрийский священнослужитель Арий и которая вызвала яростные споры в христианском мире на протяжении всего IV века. Ее сторонники были осуждены на Никейском соборе в 325 году за то, что они отрицали божественность Христа. Тем не менее арианство распространялось среди германских племен (остготов, вестготов, вандалов, бургундов), живших на границах Римской империи.

крытым, не было ничего, что «предопределяло» бы его развитие в XX веке. Так что надо уйти от телеологии «арийский миф — пангерманизм — антисемитизм — нацизм — геноцид» и вернуть каждый элемент на то место, которое он занимал в свою эпоху.

Размышляя об арийском мифе, необходимо любым способом четко дистанцироваться от изученной тематики. Версия об «искажении истины» исследователями, зачарованными трудной темой своих исследований, такой как раса, в действительности не имеет смысла⁵; несмотря на «серный запах», исходящий от арийского мифа, это такая же проблематика, как и любая другая, и эту проблему надо рассматривать в ее **мифическом** аспекте. Этот миф выражал стремление отнестись к порядку вещей деятельность как политическую функцию в сочетании с генеалогией, оправдывающей привилегии. Арийский миф — это тоже форма мысли, которая возвышает претендентов на монопольное знание истины и смысла, выделяет их из совокупности мира «оглашенных» как священный слой. Раньше отождествление с прошлым основывалось на Библии, теперь оно постепенно от нее отмежевывалось, сближалось с космогонией и давало одновременно научное и мифологическое объяснение происхождения мира и народов.

Пример России позволяет объяснить культ арийского начала как миф о самобытности. Ссылки на ариев укладываются в рамки национального дискурса и в XIX веке еще проявлялись в науках о человеке, а не в политических науках. Они основывались на совокупности древних тематических матриц, которые образо-

⁵ Что касается расизма как предмета исследований, см.: Тагиев, П.-А. Сила предрассудка. Эссе о расизме и его двойниках (Париж, Галлимар, 1987, с. 644) и Гийомен, Ш. Расистская идеология, генезис и современный язык (Париж, Мутон, 1972, с. 247).

вывали разные конфигурации, непрерывно видоизменяя их, что показывало дискурсивный в основе своей характер понимания самобытности, как индивидуальной, так и национальной. Создавался специфически русский арийский миф, романтический, а не расалистский, не затрагивавший еврейский вопрос (хотя этот вопрос уже поднимался в политике и в административной практике Российского государства), сосредоточенный на идее азиатского происхождения европейцев и безоговорочно включавший Россию в арийский мир, в котором она играла исключительно важную роль в истории развития его самобытности.

Несколько мыслей о гуманитарных науках в Европе XIX века

Арийский миф открыл множество проблем для ряда наук, которые касаются как Европы вообще, так и России в частности. Они могут вписываться как в пространственную непрерывность (распространять аналитические схемы на другие страны), так и во временную (продолжить анализ советским периодом XX века и постсоветским периодом). Эта идея объясняется желанием лучше понять европейские гуманитарные науки XIX века, их формы и аксиомы. Они позволяют также отвести России подобающее ей место в анализе ситуации в Европе в ту эпоху, место, которое специалисты из западных стран ей очень часто не уделяют. Арийский миф необходимо учитывать при осмыслении того, что происходило тогда в России, изучать идею русской самобытности во взаимодействии с западными представлениями о России. Это позволяет лучше понять теоретические предпосылки идеологий самобытности и написать историю так называемой «правой» русской

мысли, гораздо меньше известной, чем «левая». Наконец, в результате встает трудный — и актуальный — вопрос о специфике русского колониализма, об ориентализме и его парадигмах и, наконец, о том, каким мог стать арийский миф в Советском Союзе и в последнем десятилетии XX века.

Поле исследования арийского мифа огромно и большей частью неизвестно. Большинство имеющихся работ посвящено поискам предшественников нацизма, так что эти работы ориентированы в основном на Германию и касаются лишь того аспекта арийского мифа, который наименее известен в плане научной проблематики, наиболее политического аспекта (антисемитизм, расизм, пангерманизм). Другие аспекты этого мифа мало исследованы, большей частью потому, что их трудно выделить: это предполагает совместную работу учёных как минимум трёх стран — Франции, Германии и Великобритании, потому что эти дебаты общеевропейские, они выходят за национальные границы, — а также навёрстывание упущенного в изучении славянской, угрофинской и турецкой «окраин» Европы. Необходимо также, чтобы исследования велись во многих научных отраслях: в языкознании, антропологии, археологии, истории и востоковедении, они взаимозависимы.

Подразумевается, наконец, заинтересованность в исследовании явно маргинальных с точки зрения «политкорректности» идей, знание которых принципиально необходимо для понимания европейских представлений о началах: оккультизма, мифических фантазий об исчезнувших цивилизациях, эзотерической мысли. Арийский миф, рожденный на стыке романтического поиска, начался на пути «избавления от Библии» и зарождавшегося расизма, повлиял на научные представления XIX века, потому что он мыслился как система, объясняющая начало цивилизации, арийство было тка-

нию ученых легенд, для чего были необходимы эрудиция, применение сравнительного метода, а также воображение. Морис Олендер в своей книге «разрушает иллюзию непрерывного развития науки»⁶ и призывает вспомнить о сосуществовании разных форм научной рациональности, которые создавали свой собственный предмет и специфические методы его изучения. Арийский миф позволяет проследить за процессом политизации научной мысли, размывания границ между наукой и идеологией.

Он показывает также роль разных наук в выработке идеологий самобытности в XIX веке: воспитание повсюду в Европе было одним из главных механизмов создания национальностей. Современные нации рождались в университетских кругах, особенно в славянском мире, где немецкий образец культурной нации производил особенно сильное впечатление. Арийский миф лишь иллюстрировал «нациоцентрические»⁷ видения, по удачному выражению Даниэля Бовуа, гуманитарных наук в процессе их развития. То, что некоторые проблемы арийства сегодня преодолены, не имеет значения: история науки сохраняет лишь теории, признанные «истинными» в момент их написания, отбрасывая три четверти научных знаний прошлого, так что для историка важно то, что считали научным учением конкретной эпохи. Таким должен быть подход к европейским представлениям XIX века, и в предлагаемом анализе русского примера учитывается их влияние на науку.

⁶ Вернан, Ж.-П. Предисловие к книге М. Олендера «Языки Рая. Арийцы и семиты: провиденциальная пара» (Париж, Сэй-Галлимар, 1989).

⁷ Бовуа, Д. Польское историческое сознание в XIX веке, между мифотворчеством и историографией // В сборнике «История и нация в Центральной и Восточной Европе XIX–XX веков. История воспитания» (м.-Э. Дюкрё, составитель). — Париж, Национальный центр педагогических исследований, 2001.

Необходимость ввести Россию в интеллектуальную историю Запада

Изучение арийского мифа в России может показаться трудным, поскольку еще многое предстоит изучить в его западной истории. Поляков безапелляционно утверждает, что эта тема не существовала в России, которую он знает достаточно хорошо. «За пределами великого арийского сообщества остались страны, признанные в ту эпоху отсталыми: Россия, Италия и Испания»⁸. Россия, однако, не была такой маргинальной, как кажется. Немецкое арийство большей частью выдумывалось в противостоянии славянскому миру с чувством своего превосходства над ним. Что касается французов, то во Франции, явно по политическим причинам, подчеркивали близость кельтов и славян.

Славянский мир находился в центре — о его важности забыли сегодня, глядя, как на задворки, на современную Центральную и Восточную Европу — политических и научных споров прошлого века. Он был средоточием всех европейских проблем: принцип национальностей, вопрос о выживании и природе Империи Габсбургов, борьба балканских народов против турецкого господства, геополитическое соперничество Франции, Германии и России. Царская Россия, больше, чем славяне в целом, главным образом волновала идеологов арийства: включать или не включать Россию в европейский мир? Ответ зависел от того места, которое отводилось русским в расовой классификации, а западные ученые причисляли их к «туранцам» в своей генеалогии истории человечества. Россия находилась также в центре основной проблемы колыбели арийцев. В противовес нордическим притязаниям нем-

⁸ Поляков, Л. Арийский миф. — С. 271.

цев, большинство европейских ученых было того мнения, что прародина арийских народов находилась либо на славянской западной окраине Российской Империи (на юге Украины), либо в евроазиатских степях: политическое господство на древнем скифском пространстве говорило в пользу русских.

Франко-немецкая одержимость славянским миром не могла не повлиять на образованных русских и интеллигенцию центрально-европейских народов. Они хотели быть не объектами, а субъектами гуманитарных наук, их возмущало, что их превращают в предмет изучения, они регулярно становились жертвами такого подхода в политической и национальной идеологии своих могущественных соседей. Разве русские не пытались, по примеру немцев, дифференцировать исторические расы среди европейских народов, к которым их отказывались причислять, продолжая отождествлять арийцев и европейцев как большинство французских ученых? Как могли они реагировать на западную заикленность на антисемитизме при забвении постулата об азиатском происхождении арийцев? Какую позицию они могли занимать по отношению к немецким и французским расиалистским теориям, которые причисляли славян к так называемым туранским народам? Как согласовывали они противоположность «автохронность — азиатское происхождение», которая нарушала географическое положение России? Было ли русское арийство попыткой нанести ущерб христианской религии, заменив ее неоязычеством, политеизмом и восточными религиями?

В России мы входим во всю совокупность проблем, возбужденных арийством. Она освещает их, потому что сочетание национальных притязаний и научных теорий, замутненных арийским мифом, позволяет лучше понять, что мифологическая и в то же время научная теория происхождения народа не обязательно

становится орудием политического экстремизма. Важность России в рамках споров об арийстве позволит, будем надеяться, показать, что интерес к восточно-европейскому пространству в широком смысле слова не ограничивается узким кругом специалистов из «ареала цивилизации», посвященных, а касается всей истории европейской мысли.

Арийство как новый подход к идее русской самобытности

Арийский миф позволяет рассматривать Россию в сугубо сравнительных рамках. Эти рамки тем более оправданы, потому что интеллектуалы XIX века мыслили друг о друге в сравнении, реагировали друг на друга, и такими же были оценки, как индивидуальные, так и сделанные в качестве представителей нации⁹. Сравнение позволяет также избежать спора о сути и оригинальности русской самобытности и прежде всего классических анализов, в центре которых противостояние славянофилов и западников.

Устойчивость этого деления пора поставить под сомнение: его установили сами русские мыслители, датируется оно прошлым веком, остается тавтологией, и подразумевается, что эти идеи несовместимы. Но разве суждения русских мыслителей об их национальной самобытности уникальны? Разве не основаны они на тех же теоретических «опорах» и постулатах, что и суждения западных мыслителей? Разве науки и французская и немецкая национальная самобытность не были направлены одна против другой и одна на дру-

⁹ Шарль, К. Интеллектуалы в Европе XIX века. Очерк сравнительной истории. — Париж: Сэй, 1996. — С. 369.

гию на протяжении всего века, особенно в период с 1870 по 1914 год?¹⁰ Так почему же русским не иметь тоже самобытности и научной проблематики, рожденных взаимодействием с их западными соседями? Мы утверждаем здесь европейский характер истории идей в России, показывая, до какой степени русские споры коренятся в рассуждениях, которые, хотя они имеют явно национальный характер, принадлежат к европейской мысли той эпохи.

Искать особенность страны не значит создавать интеллектуальные средства, пригодные для ее нахождения. Поэтому надо переосмыслить проблемы русской самобытности с помощью схемы, не специфической, а общей для всей Европы; ею может быть арийский миф. Если при этом выявится русская специфика — а так и есть — это аргумент в пользу сравнительного метода, она выявляется в результате размышлений, а не априорно. Она позволяет предоставить России принадлежащее ей по праву место в европейских спорах, отвергая миф о русской исключительности, он вносит элемент враждебности в отношения между Россией и Западом. Определенная русская интеллектуальная традиция, на которой лежит печать историзма, хочет, чтобы каждая культура обладала органической внутренней цельностью, национальным гением, непостижимым для внешнего мира иным способом кроме эмпатии. Постулировать несравненный характер русских споров значило бы подыгрывать этой традиции и тем мыслителям, которые видят специфику в отвержении России Западом.

Арийство указывает выход из культурного тупика противостояния славянофилов и западников, показывает путем сравнения, что русские споры о самобыт-

¹⁰ Дижон, К. Немецкий кризис французской мысли, 1870–1914. — Париж: PUF, 1959. — С. 568.

ности касаются проблем, общих для других стран. Благодаря своему большому идеологическому весу, несмотря на замалчивание в течение полувека, оно позволяет переосмыслить понятие нации в той части, в какой оно основано на рассуждениях генеалогического типа, и показать, до какой степени прошлое является пластичной конструкцией, к которой можно добавлять какие-то элементы, а какие-то изымать. Такая возможность анализа кажется еще более пригодной применительно к России, где остаются особенно заметными механизмы выработки дискурсов и образцов на западных примерах при нежелании признать это.

Необходимость изменения концептуального отношения русских к Азии

Восток как настоящая Вселенная особенно хорошо показывает, до какой степени идеологизации дошли национальные дискурсы. Ориентализм — это, по сути, определение, данное негативным путем. Для России ее принадлежность к Европе — главная проблема ее существования как нации, она находится в трудном положении, потому что ее понятие о себе самой это отрицание Запада: как тогда найти свое место в бинарной системе Восток-Запад? То, что не Европа, автоматически становится Азией? Как понимать другого, если не думать, как другой? Если Россия заимствовала у запада идею превосходства над Востоком, то сама она утратила центр, стала объектом ориентализма и не перестает говорить о риске ее интеллектуальной колонизации Западом.

Несмотря на это двусмысленное чувство, русские мыслители не перестают разрабатывать ориенталистский дискурс, который предстоит изучить. Азия объявляется священным пространством, благодетельной

утопией, которая более или менее точно локализуется географически и является связующим звеном между эмпирическим знанием и духовностью, катализатором более определенного самосознания, потому что «изучать разнообразие обычаев и проявлений [Востока]... значит обзавестись средствами точного понимания разных вариантов подхода к иной культуре. Никогда не бывает лишним знание отличий»¹¹. Каждый культурный пример открывает потенциал определенной ориентации: «Китай, Персия или Индия изучаются не ради их самих, они дают ответы на национальные вопросы, которые они позволяют поставить или иначе сформулировать»¹².

Первоначальной целью данной работы было исследование евразийской идеологии¹³ в России и прослеживание перехода от панславизма к азиатской ориентации предшественников евразийства. Однако стало очевидным другое: до евразийского опыта 1920-х годов никакое идейное течение в России не ориентировалось на тюрко-монгольский мир. Азия выдвигалась на первый план только в аспекте арийства, это было лишь разворотом с целью лучшего утверждения своего европейского характера. К арийскому мифу, а не к Азии обращались мысли. Арийство помогало русским мыслителям видоизменить взгляды на Восток и на Европу после того, как они увидели свое отражение в зеркале. Работы по азиатскому вопросу часто запутывались в неустранимых противоречиях, пока не был найден арийский «ключ». Невероятная протяженность Импе-

¹¹ Восток в зеркале философии. Антология / Составитель М. Крепон. — Париж: Покет, 1993.

¹² По вопросу об ориентализме как самостоятельном дискурсе см.: Шарне, Ж. П. Анти-Восток или что думают другие о себе (Париж, Синдбад, 1980, с. 275); Хенч, Т. Воображаемый Восток. Западное политическое видение средиземноморского Востока (Париж: Минюи, 1987, с. 290); Лязу, К. Ислам и Запад. Исламский вопрос в западном сознании (Париж, Аркантер, 1989, с. 183).

¹³ Ларюэль, М. Русская евразийская идеология, или Какой мыслится империя. / Предисловие Патрика Серио. — Париж: Арматтан, 1999. — С. 423.

рии в Азии разве не делала необходимым новое, азиатское определение нации? Почему панслависты, разочаровавшись, повернулись к Востоку? Как объяснить двойственность русского взгляда на Азию, одновременно близкую и далекую, свою и чужую? Поиски «азиатского начала» не обнаруживаются ли в филиации этого азиатского дискурса, родившегося в 1890-х годах? Не имели ли евразийцы предшественников в предреволюционной России? Присутствовала ли туранская тема в русских идеях самобытности до начала 1920-х годов? Конкретная цель данной работы — переосмыслить этот знаменитый поворот русских к Азии и ввести его в научные рамки той эпохи, а также связать его с западной полемикой того времени.

Если отцедить из славянофильских текстов менее классические и поставить в связи с ними новые вопросы, мы увидим, что мнимое «азиатство» уходит своими корнями в первую половину XIX века и коренится в мифологии XVIII века. Так называемый разрыв в формировании идеи русской самобытности в конце XIX века, переход от славянофильства-панславизма к азиатству, был относительным, если не сказать, что он вообще не существовал: все, от А. С. Хомякова в 1840 году до А. Блока в 1918 году, начиная даже с Ломоносова, одинаково представляли себе русскую самобытность — ее воплощением была Скифия — в изначальном арийстве, в непосредственном происхождении из азиатской колыбели, в отличие от европейских дериваций. Утверждение органических связей с Азией означало удаление от «Запада», но приближение к «Европе», а не притязание на какой-то туранизм России. Мы постараемся показать непрерывность идеи русской самобытности на протяжении всего XIX века, без разрыва.

Анализ арийского мифа касается также вопроса колониализма. Арийство — это, по сути своей, идеоло-

гия имперского типа, утверждающая превосходство европейцев или, в нордическом варианте, существование расы господ среди самих европейских народов. Русские националистические идеологи тоже не могли не почувствовать, что этот миф внутренне связывает идеи нации и империи. Соотношение между этими двумя терминами — ключевой вопрос: в то время как на Западе территориальная экспансия разделяла национальный и колониальный вопросы, в России этого различия не существовало. Географическая непрерывность периферии и центра не позволяла разделять эти две проблемы: русское продвижение в Азию, начатое в XII веке Новгородской республикой на Урале, понималось русскими идеологами как вопрос сугубо национальный и не имело отношения к тематике западного империализма¹⁴.

Таким образом, арийский миф заставляет поставить вопрос: был русский колониализм специфическим или нет, — этот вопрос остаётся актуальным для анализа и после исчезновения Советского Союза. С чем сравнивать Российскую, а потом Советскую Империю: с классическими западными империализмами, с подвижностью американских «границ» в XIX веке или с многонациональной Империей Габсбургов? Является ли Россия европейским государством, имеющим азиатские колонии, или специфическим евроазиатским государством? Как понимать тот факт, что царская Империя, в отличие от Запада, никогда не имела четкой и распространяющейся на все ее владения колониальной доктрины?

¹⁴ Если колонизация как захват и культурная обработка земли существовала с давних времен, то империализм датируется концом XIX века. Он повлек за собой более систематические завоевания и руководствовался ясно выраженной волей, а не обстоятельствами, работали идеологические стимулы, связанные с экономическими и финансовыми интересами, что глубоко изменило природу завоеваний, они служили интересам промышленности метрополии. На эту тему см. М. Ферро «История колонизации. От завоеваний к независимости. XIII–XX век» (Париж, Сэй, 1994, с. 525).

Главные идеологические основы русской мысли о нации

Вся история — это современная история — утверждал Бенедетто Кроче. Анализ исторического дискурса русских идеологов XIX века позволяет ввести их сочинения в контекст идеологической борьбы того времени. Арийская тематика вписывается в идеологии двух типов, романтизма и идеологии враждебности. Вопреки обычному использованию этого термина во Франции, романтизм это не литературный жанр, а подлинная идеология, имеющая свою структуру и внутреннюю логику. Это была культурная революция, поставившая вопрос о месте человека во Вселенной, его отношении к Богу и понимании им самого себя, она хотела положить конец противоречию между раздробленностью науки и единством условий человеческой жизни¹⁵. Появившийся во Франции с большим запозданием (около 1830 года) романтизм был всецело связан с Германией со времени смерти Новалиса в 1801 году и на протяжении всего XIX века накладывал свой отпечаток на русскую мысль, которая воспринимала его не как эстетику, а как знание о мире (эпистеме).

Хотя русский арийский миф не вышел за идеологические рамки, как и немецкий романтизм, многие идейные основы он находил в том, что Марк Анжено называл «идеологией враждебности»¹⁶. Комплекс неполноценности России по сравнению с Европой вызывал переоценку ценностей: превосходство западного эмпирического мира служило доказательством его внутренней низости по сравнению с Россией, ставшей жертвой своего великодушия. Русские мысли о нацио-

¹⁵ Гусдорф, Г. Романтизм. 2 тома. — Париж: Пайо, 1993. — С. 893 и 706.

¹⁶ Анжено, М. Идеология враждебности. — Монреаль, XYZ, 1997. — С. 196.

нальном вопросе осложнились навязчивой идеей, что Россию лишили ее самобытности, и боязнью внешних влияний, которые разрушают национальное единство. Враждебность была эмоциональным двигателем русского арийского мифа. Перед лицом очернения России Западом, особенно немцами, некоторые русские идеологи стали негативно относиться к Западу из-за обвинений России в азиатчине и обратили их к своей выгоде, найдя в них желанную и, наконец, открытую самобытность. Только сочетание этих двух идеологий, романтизма и идеологии враждебности, может объяснить специфику русского арийского мифа, рожденного отсутствием какого-либо расового дискурса, но одновременно глубоко укоренившимся в русской национальной мысли враждебным отношением к Западу.

Границы темы

Всегда приходится делать выбор, и автор подбирал тексты, руководствуясь личной ориентацией, с субъективностью историка, который стремится соединить в одном видении противоречивые персонажи и разбросанные мнения. Такое идейное течение, как арийство, не имело четкой структуры, в отличие от возникшего позже евразийства, и проявлялось эпизодически, в смутных фантазиях, в утверждении ценностей, авторитетов и линий поведения, которые согласовались с собой лишь в отдельных точках и противоречили друг другу.

В данном сочинении речь идет об арийском мифе только как об особом дискурсе, оно ограничивается анализом больших текстов, посвященных самобытности России. Мы не будем задерживаться на истории появления в России расовых идей и не будем судить

об обществе того времени по анализируемым текстам и определять, какой интерес могут — или не могут — представлять ретроспективно некоторые из них для истории идей. Речь не будет идти о русском «общественном мнении» по арийскому вопросу или о мнении, которое высказывалось от имени государства представителями его администрации, или об истории университетского востоковедения, не будет объяснений о русской политике по отношению к национальным меньшинствам или о причинах подъема антисемитизма в начале XX века. В стороне останутся этнология, естественные науки и медицина, области со своей проблематикой — по ним необходимы специальные работы.

Несмотря на это, материал использует данные многих наук, арийскому мифу посвящены научные работы лингвистов, историков, археологов, этнографов, а также политические трактаты и художественные произведения. Одна и та же идеология присутствовала и в художественных произведениях, и в научных работах и политических трактатах. Кроме того, охватывается большой хронологический период, множество проблем, так что не должно быть иллюзий: в данной работе невозможно было дойти до конца по каждому из этих следов, прослеживается лишь идеологическая нить, связывающая их между собой. Речь не идет о цитируемых авторах как о социальной группе, невозможно определить реальное влияние каждого из них или безапелляционно утверждать, будто имеет место филиация идей при каждом обращении к арийской тематике, или предполагать, насколько представительны мнения отдельных авторов.

Целью является скорое разделение источников, необходимое, прежде чем погрузиться во всю массу аргументов и ссылок. Необходимо проследить развитие арийской тематики на всех ее путях, не предвкусывая

ни ее будущее, ни даже ее динамику. Она не развивалась по прямой линии, у нее не было телеологии, предвещавшей переход к евразийству, который часто изображают как неизбежный. Мы видим, что в начале XX века, наоборот, сохраняется тематика старых славянофилов, у Ухтомского и в Туркестанском кружке любителей археологии. Зато арийская космогония ставит множество проблем, имеет собственную историю, заслуживает специальных исследований и ограничивает сама себя своим кругом источников. Метод обработки, предлагаемый здесь, сосредотачивается на самих текстах и на игре зеркал, которая видоизменяет или стабилизирует арийскую аргументацию. Напомним вместе с Морисом Олендером, что «проследить путь автора надо, чувствуя духовную атмосферу его эпохи; пытаться описать извивы его мысли, не значит соглашаться с ними или принимать их»¹⁷.

Три оси размышлений позволяют лучше разделить «арийский миф» как предмет изучения. Сначала выделяется совокупность теоретических постулатов о нации и их элементы или составляющие (язык, религия, раса и территория со своими специфическими комбинациями и исключениями). Затем той же нации предлагается новая генеалогия, историческая филиация и близкие или далекие воображаемые пространства, и наконец, дискурс колониального опыта, обоснование законности Империи.

В первой части прослеживаются основные линии истории арийского мифа на Западе, чтобы стало понятным, в чем Россия оставалась вплоть до Революции на первом, романтическом этапе арийства. Она сосредотачивается на вопросе о туранизме русских и/или славян и на ответе русских ученых на эти обвинения, исходившие из Франции и Германии. Краткая картотека

¹⁷ Олендер, М. Языки Рая. Арийцы и семиты — провиденциальная пара. — С. 35.

занимавшихся этим кругом позволяет увидеть маргинальный, по меньшей мере периферийный по сравнению с официальным университетским миром характер арийской науки, тесно связанной с литературным движением славянофилов.

Различным способом утверждения арийского мифа в России с увязкой с вопросом о происхождении посвящена вторая глава. Главной темой русского арийского мифа было опровержение концепции Турана с помощью теории автохтонности и ссылок на античные и средневековые источники, касавшиеся славянских древностей. В романтическом духе русские славянофилы и панслависты описывали национальную самобытность; близость русских к скифскому миру была лучшим залогом их арийства. Тогда встали две главные проблемы: вопрос об автохтонности и вопрос о первоначальной колыбели, которые подтверждали изначальное арийство русских по сравнению с французским и немецким опытом, потому что их опыт устранял противоречие между связью с Азией и европейским происхождением. В этой огромной космогонии занимают свое место и споры об автохтонности русских и/или славян (варяжский вопрос, средиземноморские влияния, происхождение государства и народа, христианизация страны и так далее).

Хотя скифская тема была специфической для России и для славянского мира, русский арийский миф уходил своими корнями и в более классические дискурсы, он обращался к Индии. Она тогда конкурировала с традиционной скифской колыбелью, но в то же время позволяла развивать разные дискурсы законности: Индия открывала возможность лингвистических исследований связей между славянскими языками и санскритом, предлагала культурные аргументы о соответствии ряда черт, считавшихся специфически русскими (народные эпосы,

коллективная собственность на землю), и вдохновляла новый религиозный мистицизм и эзотеризм, бывший в моде на стыке веков, особенно в теософском движении.

Четвертая глава посвящена месту, которое занимала Империя в русском арийском дискурсе, особенно течениям, которые возникли в России в 1870-х годах и процветали вплоть до Революции. Это рождавшееся «азиатство» приводило в смущение: оно не решало туранский вопрос, но сохраняло видимость арийства России. Империя казалась новым способом утверждения арийства, лучшим, чем модификация идеи русской самобытности. Провозглашалась непрерывность национальной мысли в рамках определения, данного Хомяковым, или даже во второй половине XVIII века; согласно этим русским мыслителям, арийство лучше сохранилось в белой Азии, то есть в России-Скифии, чем в Европе, которая отказалась от своей первичной самобытности. Продвижение Империи в Среднюю Азию и на Дальний Восток понималась теперь как неизбежная политическая перегруппировка разными способами ассимилированных народов в большую арийскую семью и возвещала о мессианском возвращении России на свою первоначальную арийскую родину.

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ ИГРА ЗЕРКАЛ ВОКРУГ АРИЙСКОГО МИФА

Мифология перехода от креационистской генеалогии Библии к эволюционистской генеалогии Дарвина, арийский миф, строился на специфическом научном основании, прежде чем стать аргументом, оправдывающим европейский колониализм, путем сравнения сначала на лингвистической, потом на культурной и, наконец, на расовой основе. Разработанный главным образом во Франции и в Германии, но присутствовавший и в британской культуре, арийский миф, стремясь к классификации всех народов, часто судил о славянском мире, принижая его. Русские ученые, интересовавшиеся этими генеалогическими вопросами, узнав о негативном отношении к славянам, заняли особую позицию по этому трудному вопросу. Русский арийский миф отличался тем, что он хотел отвергнуть, опровергнуть западный взгляд, согласно которому славяне — неотъемлемая часть туранского мира: русский миф создавался как отрицание этого взгляда. Эта заикленность на туранском вопросе отвлекала русских от противоположности, которую на Западе считали главной, — между арийцами и семитами. Русский вариант арийского мифа был безразличен, если не враждебен к новым расовым идеям, он сохранял романтический характер первоначального арийского мифа в соответствии с концепцией нации, данной Гердером; сохранял он и идею азиатского происхождения европейцев.

Франко-германо-русский обмен мнениями через призму арийского мифа

Арийский миф рождался на Западе двухэтапно. Первый этап, с конца XVIII века до 30-х годов XIX века, был периодом романтического мифа, поиска начал. Эта первая эпоха, когда расиализма еще не было, часто остается неизвестной или забытой, но она заслуживает реабилитации, потому что именно она послужила основой для сотворения этого мифа в его русской вариации. Арийская тема возникла во Франции, когда эпоха Просвещения поставила под вопрос библейскую историю. Потом подтверждение было получено благодаря дешифровке восточных письменностей и особенно благодаря «открытию» санскрита. Немецкий романтизм играл главную роль в этом восточном Возрождении, которое в дальней перспективе привело к глубокой эволюции духовной географии Европы. В немецких государствах арийский миф имел все характерные черты романтического индофильства той эпохи.

Индофильское арийство между востоковедением и романтизмом

До XVIII века в Европе господствовала библейская идея еврейского происхождения человечества. Еврейский язык считался его первым языком, а колыбель человеческого рода располагалась на классическом древнем Востоке, в Иудее. Наследие Ноя было разделено между тремя ветвями: от воина Яфета родились европейские народы, от священнослужителя Сима — семитские, а от раба Хама — африканские, и все они происходят от Адама. Таким образом, еще до появле-

ния расизма арийская теория находилась на прямой линии научного прогресса, потому что она объявила о своем желании отбросить Библию как «еврейскую выдумку»: арийский миф был знаком освобождения от Церкви и от происхождения от Адама. Он вписывался во французскую антиклерикальную или антиобскурантистскую теорию, которая первой осознала бесконечное разнообразие человечества.

Восток, который в XVII веке был предметом созерцания, в XVIII веке стал предметом споров и материалом для размышлений, а в XIX веке — местом происхождения. После открытия Америки и споров о естественном состоянии, которое оно вызвало, на французский XVIII век наложил свой отпечаток Китай¹⁸.

Влияние действительной мысли быстро заставило обратить взоры к Индии, в которой видели колыбель естественной религии; эзотерические учения масонов, розенкрейцеров, тамплиеров или пиетистов неоднократно называли источниками своих тайных знаний Индию или Египет. Влияние эпохи Просвещения и политических революций сказывалось одновременно с умножением знаний о Востоке, расшифровка восточных письменностей вызвала опрокидывание временной перспективы. Вследствие священного характера языка Библии филология долго оставалась придатком теологии. С рождением ориентализма история языков перестала относиться к области религии. Прочтение Авесты в 1771 году, санскрита в 1788 году, языка пехлеви в 1832 году, клинописи в 1803 году, египетских иероглифов в 1822 году, зендского языка в 1832 году сдвинуло «начало времен»: санскрит и египетские иероглифы доказали более позднее происхождение еврейского языка, расшифровка клинописи позволила узнать о су-

¹⁸ На эту тему см.: Этьямбль, Р. Китайская Европа. От китаефильства к китаефобии. Т. 2 (Париж: Галлимар, 1998, с. 402).

уществовании шумерской цивилизации за 4 000 лет до Р. Х. и доказать превосходство вавилонской культуры над египетской.

Из всех этих открытий самую большую революцию произвело открытие санскрита. Лингвистика дала научные основания гипотезе об азиатском происхождении человечества. Однако она неожиданно «доказала», что не все человечество произошло из Индии, а только одна белая раса, которая колонизировала Европу в процессе эпического переселения с высокогорий Гиндукуша. Разрыв с библейской филиацией свершился, мечта о происхождении человечества со сказочного Востока сбылась. Речь Уильяма Джонса перед Королевским Азиатским обществом в Калькутте в 1788 году символизировала осознание Европой индоарийского вопроса. Эта совокупность почти одновременных лингвистических открытий положила начало новому гуманизму, который Раймон Шваб в своей знаменитой книге назвал «Восточным Возрождением»¹⁹, по названию одной из глав книги Эдвара Кине «Гений религий» (1841 год). Этим знаменовался кризис европейского сознания: замкнутый западный мир оказался лишь каким-то моментом, какой-то точкой в истории человечества. Перед лицом других великих культур гуманизм не мог больше оставаться классическим и средиземноморским. Восток был теперь удаленным скорее во времени, чем в пространстве, он был не в прошлом, а в будущем. Индия была одновременно свидетельницей прошлого и предвестницей будущего, она сочетала в себе человека в естественном состоянии и изначальную мудрость. Такое двойственное положение могло удовлетворять лишь эпоху, на которую наложила свой отпечаток идея Руссо: когда человек стареет, он поворачивается спиной к истине.

¹⁹ Джонс, У. Об индусах. Третья речь. — *Asiatic Research*, I (1788).

А в Германии, в стране, которая не имела тогда никаких колоний и была обеспокоена тем, что не является современным государством, действительно обрел свою форму романтический арийский миф. Еще до наполеоновских войн немцы заговорили о своей всемирной миссии и богоизбранности германских народов: в своей книге «Христианство или Европа» (1799 год) Новалис, потрясенный хаосом Французской революции, определил немецкую миссию как миссию примирения всех наций и восстановления христианства во всем его былом блеске. Открытие санскрита и текстов Авесты произошло именно в тот момент, когда немецкие государства после наполеоновского господства образовали блок против латинского мира, который у них ассоциировался с Ренессансом и Революцией, и стремились к национальному самоопределению. Лингвистическая индоевропейская теория, постулатом которой было равенство всех национальных языков, показала идеальным орудием для того, чтобы поставить под сомнение превосходство французского языка.

Индомания служила орудием кристаллизации немецкой романтической мысли в поисках далеких начал, которые позволили бы повторить «греческое чудо», идеал латинского мира, и утвердить свой собственный гений. Было три периода развития в этом направлении: доромантические мысли И. Г. Гердера вдохновили таких великих теоретиков, филологов и лингвистов, как братья Шлегели, а потом в индийскую авантюру пустились фольклористы и философы²⁰. Таким образом, с самого своего начала арийский миф использовался для реабилитации средневековой эпохи и феодального и рыцарского христианства. Однако вплоть до 30-х годов XIX века он был лишь одним элементом,

²⁰ Для справок по этой теме см. книгу Р. Жерара «Восток и немецкая романтическая мысль» (изд. Университета Нанси, 1963, с. 278).

таким же, как другие, в романтической идеологии: Индия оставалась орудием, а все романтики ее бросили и вернулись к христианству, чаще всего католическому²¹.

Этап усиления расовых и национальных элементов

В 40-х годах XIX века образ Вед как новой «арийской Библии» потускнел, и Индия была оставлена специалистам. Арийский миф пережил романтическое индофильство и стал материальным элементом гуманитарных наук, которые тогда пошли по пути детерминизма и взяли себе за образец точные науки. Однако они продолжали вдохновляться романтическими мечтами; в конце века, например, они извлекли выгоду из открытия подсознания и усиления иррационализма, который новые общественные науки, такие как психология и антропология, покрыли научным лаком. От библейского происхождения сохранился лишь неизбывный интерес к религии: в противоположностях между арийцами и семитами в действительности скрывался спорный вопрос о происхождении Бога и христианства. От рождения в индофильской среде остался лишь восточный колорит, использовавшийся в те времена европейским колониализмом.

Этот новый исторический период арийского мифа, который продолжался на протяжении всей второй половины XI века был отмечен ярко выраженным процессом расиализации. Вопреки обычным представлениям, арийский миф не породил расовую концепцию: идея белой расы существовала раньше, нежели идея

²¹ О политическом использовании романтической идеологии см. классическую работу Ж. Дроза «Политический романтизм в Германии» (Париж, Арман Колен, 1963, с. 210).

об арийском происхождении европейцев. Желание разделить людей на разные расы по образцу животных видов и проторасистские идеи чистоты крови существовали с XVII века²². Если расовые предрассудки с биологическими основаниями превратились в складную идеологию лишь в конце XIX века, то лишь по той причине, что термин «раса» был невероятно многозначен, он стал банальным в ту эпоху, когда предметом изучения стали не индивиды, а группы. Несмотря на эту многозначность, термин «раса» предполагает некую норму, строгие рамки, а также иерархию, которая, как считается, была и будет.

Франция — тогда, возможно, самая секуляризованная страна в Европе — впервые предоставила слово расовому детерминизму, потому что законы науки, как считается, определяют будущее человечества и не зависят от божественного контроля. Французские интеллектуалы не видели связи между расизмом, старыми династическими мифами, антисемитизмом и национализмом, каждое из этих течений сохраняло в большей или меньшей степени свою автономию. В Германии, наоборот, имел место симбиоз всех этих течений, часто противоречивых. Ее националистические мыслители сочетали научный энтузиазм, обновленную национальную мифологию и приверженность к метафизике, придавая тем самым новый размах параллели между расой и духом. Немецкий национализм представлял собой венец антимодернизма, он хранил в памяти героические саги и вдохновлялся туманными северными пейзажами. Однако арийская тема вскоре стала проблемой для немецкого национализма, который восхвалял расовое разнообразие немецкого народа и не считал избранным и

²² В Испании — ещё в XV веке. — *Прим. перев.*

высшим ничтожное меньшинство супер-националистов с их доведенным до крайности нордизмом²³.

Тезис дарвинизма о выживании наиболее способных был хорошо принят в Германии, где победа 1870 года воспринималась как его подтверждение. Развившийся там социальный дарвинизм слился тогда с германскими мифами, *völkisch*-антисемитизмом и неоязычеством. Эти антитрадиционные религиозные идеи сочетались с расистской идеологией, основанной на культе науки. Германский арийский миф родился в результате сочетания евгенического сциентизма с неоромантическим популизмом и внес раскол между арийцами, европейцами и белыми — ранее это были синонимы; если превосходство белых народов над цветными считалось очевидным, то не все европейцы отныне признавались арийцами²⁴. Ограничительное использование этого термина применительно к одним немцам, точнее, лишь к одной их части, влекло за собой исключение евреев, отнесение их в лучшем случае к «левантинцам» (белым, но не арийцам), а в худшем к «желтым» (не белым и не арийцам). Германия не была, однако, одинока в этом, потому что и в Австрии в конце XIX века царил атмосфера эсхатологических ожиданий. Арийский миф оказался в центре германских волнений, связанных с притязаниями славян, индустриализацией и разочарованием из-за плохих отношений между Рейхом и Империей Габсбургов.

По сравнению с Германией, Франции не хватало двух сочетаний: расовые теоретики имели ничтожное

²³ Конт, Э., Эсснер, К. В поисках расы. Антропология нацизма. — Париж: Ашетт, 1995. — С. 451.

²⁴ Термины «индогерманцы» и «индоевропейцы» использовались как синонимы. Первый имел больший успех в Германии, чем во Франции. Термин «арийцы» был более политическим, чем «индоевропейцы», западные учёные сохраняли последний термин, что позволяло им игнорировать мнимую прямую филиацию между индийцами и германцами.

влияние в политической сфере, их влияние ограничивалось научными кругами, но и последние отвергали их, современники считали Гобино и Лапужа оригиналами. Французский национализм конца XIX века не стремился сочетать в одной синтетической идеологии расовую идею, антисемитизм, евгенику и старые национальные мифы, предоставляя им развиваться параллельно, не сливаясь. Хотя генеалогическая мифология присутствовала во Франции, она не была превращена в орудие расиализма, а наоборот, стала одним из ключевых элементов республиканской политики: возведение к кельтам и галлам было в моде при III Республике, но оно не привело к расовому самоутверждению, а наоборот, к прославлению гостеприимной французской земли. Единственного внешнего врага, Германии, было достаточно, чтобы сосредоточить на себе внимание и способствовать развитию риторики национального единства. Французский национализм больше гордился своей принадлежностью к римскому миру, что означало усвоение римского образца и утверждение западного, универсалистского сознания, отвергающего автохтонность²⁵.

Немецкий арийский миф, наоборот, создавал впечатление, что он доводит до крайности оригинальные ориентации, которые едва намечались в романтической мифе, а во Франции, например, мало развивались или совсем не развивались. В противовес французскому контрпримеру, немецкий арийский миф подчеркивал свою автохтонность, забывал об индо-персидском происхождении арийцев, оставляя его Скандинавии и Северной Германии, мифологизированным древними германскими легендами, испытывал неоязыческое отвращение к еврейскому наследию католициз-

²⁵ История крайне правых во Франции / Составитель М. Винок. — Париж: Сей, 1993. — С. 322.

ма. Для него были характерны народный дарвинистский антисемитизм и пристрастие к вопросам биологии и евгеники, подоплекой которых была расовая идея. Хотя французский и немецкий примеры не могут быть связаны друг с другом из-за их последовательного несходства, они сближаются друг с другом при их сравнении с русским примером, отличия которого выражены еще более ярко.

Западные обвинения русских в «туранизме»

В XIX веке славянский мир был главным предметом политических и научных европейских дискуссий, он находился в центре основной проблематики того времени, принципа национальностей. Место России в Европе и ее право на вмешательство в западные дела составляли большую часть политических дискуссий этого века. После разделов Польши и событий на Балканах, когда снова встал пресловутый Восточный вопрос, начали задумываться о будущем Империи Габсбургов и о возможных союзах между Австрией, Пруссией и Францией. Россия играла тогда (было такое мнение) роль политической предохранительной решетки и антиобразца, какую выполняла в XVIII веке Османская империя, а в начале XX века — «жёлтая опасность». Одним из способов выражения западной русофобии в ту эпоху было обращение к арийской теме. Она была хорошо известна в плане противоречия семитскому миру, в гораздо меньшей мере — туранскому миру, но эта тенденция тоже проявлялась.

Включать или не включать Россию в европейский мир? Ответ зависел, по мнению ученых той эпохи, от расовой классификации русских и от места, которое отводилось «туранцам» в генеалогии челове-

ской истории. Терминология, которая использовалась при обсуждении туранского вопроса, была сама по себе сложной. «Туран» — первоначально иранское слово, которое обозначало страну к северо-востоку от Ирана. В Авесте это страна враждебных кочевников, не принявших зороастризм, предков массагетов. Похоже, это слово имело скорее религиозный и географический, чем этнический характер. Тем не менее такой анализ был поставлен под сомнение гипотезой, что слово «туран» имеет тот же корень, что и «тюрок», и означало «смелый, отважный». В «Шах-намэ» Фирдоуси Туран превратился в страну тюрок и китайцев, отделенную от иранского мира рекой Оксус. Эта филиация выводилась в иранской мифологии от имени Тур, одного из сыновей Феридуна, который получил во владение Туркестан. Арабские и персидские мусульманские источники не обязательно включают сюда земли за Оксусом, для них «страна тюрок» начиналась к востоку от Сыр-Дарьи

В XIX веке интерес западных ученых к оттоманскому миру имел уже долгую традицию, потому что еще в конце предыдущего века Кювье отнес турок к так называемой скифо-татарской ветви кавказской расы. Существование народов, определяемых как «белые» (венгров и турок), но говорящих на языках, которые не могут быть отнесены ни к индоевропейским, ни к семитским, наводило на мысль о новой, туранской таксономии. В конце первой половины XIX века этот термин утвердился, сначала в лингвистической форме. Концепцию туранских языков разработал историк Бунзен, который в 1854 году назвал так языки Азии, которые не являются ни индоевропейскими, ни семитскими. Но подлинным творцом этого термина был Макс Мюллер, который включил в эту группу, кроме угро-

²⁶ Подробнее о понятиях «Туран» и «Туркестан» см. в «Энциклопедии ислама», том IV (Париж, 1934).

финских и тюркских, также тибетский, сиамский и малайский языки.

Туранская группа превращалась, таким образом, в своего рода «свалку» для редких языков; поскольку индоарийские языки синтаксические, а семитские — флективные, все агглютинативные языки были объявлены «туранскими». Хотя очень быстро было доказано разное происхождение всех этих языков, туранский мир еще долго оставался предметом мифологических фантазий. И блестящая шумерская цивилизация — в ту эпоху называвшаяся также аккадской, — которая предшествовала классическому семитскому Вавилону, считалась туранской по происхождению, — во Франции эту теорию защищали Франсуа Ленорман, профессор археологии при Национальной библиотеке, и Жюль Опперт, санскритолог²⁷.

В Германии, как и во Франции, как в начале, так и в конце XIX века, существовали течения, которые стремились доказать туранство славян и/или одних русских. Отдельные немецкие ученые не скрывали своего чувства превосходства над славянским миром; в их сочинениях можно найти одно и то же клише: женственность, пассивность, вялость и податливость славян. На грани XVIII и XIX веков некоторые немецкие лингвисты пытались доказать, будто славянские языки близки к так называемым татаро-монгольским языкам. Эту лингвистическую гипотезу выдвинул Франц Бопп, рождавшаяся антропологическая наука была поставлена на службу требованиям немецких националистов. Проблема принадлежности славян к разным человеческим группам, независимо от способа классификации, продолжала об-

²⁷ Ленорман, Ф. Первоначальный язык халдеев и туранские термины. — Париж: Мезоннёв, 1875. — С. 449; Опперт, Ж. Арийство. Вступительная речь, произнесённая в императорской библиотеке (28 декабря 1805 года (Париж, 1866)); Опперт, Ж. Народ и язык мидян. — Париж: Мезоннёв, 1879. — С. 290.

суждаться: Г. Мейнерс, К. Г. Карус и А. А. Ретциус определяли славян как азиатскую расу и считали, что их черепа близки к монгольским или негритянским. Густав Дитцель радикально утверждал: «У русских, хоть они и белые, качества негров»²⁸.

В своей знаменитой «Общей культурной истории человечества» (Лейпциг, 1843–1853), вышедшей в десяти томах, Г. Клемм делил человечество на две главные расы: активную и пассивную. В то время как первая достигла расцвета благодаря германской мужественности, славяне относились ко второй расе вместе с китайцами, неграми, египтянами, финнами, индийцами... и европейским пролетариатом. Как считали Э. М. Арндт и Карл Пенка, русские — это прежде всего потомки скифов, смешавшиеся с монголами. Они пытались таким образом выбросить славян из Европы, свою нынешнюю территорию славяне заняли будто бы лишь в VI веке, то есть после великих вторжений варваров и падения Западной Римской империи. Это обвинение в туранизме было основано на предвзятом прочтении античных источников, утверждавших, будто славяне произошли от сарматов, которые пришли непосредственно из Средней Азии и победили скифов. Славяне, таким образом, были последним народом, пришедшим в Европу, поэтому они сохранили многие культурные и физические черты своей азиатской родины.

Во Франции после польского восстания 1863 года и его подавления Россией в университетских кругах возникло сильное русофобское настроение. Это не было чем-то новым: с начала XIX века во Франции несколько раз имели место всплески русофобии²⁹,

²⁸ Цит. В. И. Ламанским в его книге «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (С.-Петербург, 1871, с. 97).

²⁹ О первой половине XIX века см.: Кадо, М. Россия во французской интеллектуальной жизни (Париж, Файяр, 1967, с. 641).

но следует обратить особое внимание на 1860-е годы, когда некоторым французским интеллектуалам было свойственно воинствующее полонофильство, а Наполеон III проводил политику поддержки национальностей; тогда и возникла настоящая русофобская школа историографии. Ее возглавлял историк, ученик Мишле, Анри Мартен (1810–1883), а её вдохновителем был Ф. Г. Духинский (1817–1893), поляк из Киева, который бежал во Францию и преподавал историю в польском лицее в Париже. В отличие от немецких кругов, эта школа отказывалась класть всех славян в одну национальную корзину и пыталась, наоборот, отделить «хороших» славян, арийцев, европофилов и союзников Франции, от «плохих» русских, смешанных с тюркомонгольскими народами. Хотя эта школа не разыгрывала карту краниологии, отвергая её как германскую, она не в меньшей степени развивала расиалистские теории, которые, как и в Германии, использовали туранскую аргументацию для того, чтобы принизить русских по сравнению с другими славянами и выбросить их из сообщества европейских наций³⁰.

Конец ознакомительного фрагмента.